

Греков А. У.

Н. Д. Бартрам – личность в контексте культуры России первой трети 20 века

Отмечая 85-летие музея игрушки, мы оглядываемся назад, на пройденный им почти вековой путь, который не может быть воспринят в отрыве от истории нашей Родины со всеми ее перипетиями, взлетами и падениями, муками и радостями. Точно так же этот путь на этапе становления музейной жизни не может быть рассмотрен вне личности его основателя – Николая Дмитриевича Бартрама, 130-летие которого отмечается в текущем году.

Он был поистине из тех исследователей, которые, не замыкаясь в рамках своего узкого предмета, искали более широкого применения своим многогранным природным талантам, которому довелось жить и творить в удивительное время – вторую половину 19-начало 20 вв., которое в России назвали «серебряным веком», и которое позволило ему, как и целому ряду его коллег, наиболее полно выявить и применить свои таланты. Так профессиональный художник Бартрам проявил и применил свой талант к различным сферам культуры и искусства.

Его личность и у современников, и у потомков снискала довольно противоречивые оценки. Одни представляли его альтруистом и подвижником, другие – предприимчивым коллекционером и удачливым деятелем от народного искусства, третьи – космополитом, насаждавшим на русской почве чуждые нам западные концепции. Не менее разнополюсными являются и высказывания о его творчестве. Однако история признает только факты, к которым мы обращаемся вослед его 130-летнему юбилею, пытаясь сегодня уяснить роль личности основателя музея игрушки в истории российской культуры.

Нельзя сказать, чтобы Н.Д. Бартрам был обижен критикой. Ему посвящено, по крайней мере, полдесятка монографических статей, в которых подробно прослеживается его творческий путь, основными источниками, для определения которого являются его собственные статьи, воспоминания его дочери Анастасии Николаевны Изергиной, частично сохранившееся эпистолярное наследие самого Н.Д. Бартрама и его дочерей – Анастасии и Марии. (Из всех опубликованных статей наибольшей полнотой и точностью отличается публикация соратницы Н.Д. Бартрама и соратницы его музея Екатерины Сергеевны Овчинниковой в пятом выпуске сборника трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности (М., 1972).

Истоки формирования личности художника нужно искать в его семейном окружении, в обстановке быта семьи Бартрамов, в природе его «малой родины» – Львовского уезда.

Н.Д. Бартрам родился в имении Семеновка Курской губернии, что в 30 км от Льгова, в усадьбе, построенной дедом, 24 августа (5 сентября) 1873 г. в семье художника Дмитрия Эрнестовича Бартрама. Род Бартрамов происходил из Шотландии, а после завоевания ее Англией, как и многие дру-

гие свободолюбивые шотландцы, покинул страну и переселился в Швецию. Они жили в Выборге, который, как и вся Финляндия, принадлежал в то время этой стране.

Д.Э. Бартрам имел неплохие способности к живописи и закончил Императорскую академию художеств как художник-акварелист. Некоторое время он работал в мастерских художников Стрелкова и Рыбникова, потом у архитектора В.О. Шервуда при строительстве Исторического музея. (Может быть, отсюда протянулась ниточка, позже связавшая с Историческим музеем и с его основателем Иваном Егоровичем Забелиным Николая Бартрама). Д.Э. Бартрам много путешествовал, бывал в Швейцарии, Франции, Флоренции, Финляндии (По этим дорогам позже проехал и его сын).

Естественно, что он со своими художественными вкусами оказал огромное влияние на формирование творческого кредо мальчишка. Кроме того, он мог много сделать своими руками: скамеечки, ящики и шкатулки, переплеты для альбомов, подчасники. Эта любовь к рукоделию передавалась и его сыну. Священным и волшебным местом для маленького Николая был кабинет отца, где «он впервые узнал о скрытых в людях возможностях творить, создавать то, что глубоко в душе зарождалось, вынашивалось человеком и, наконец, находило свое воплощение в жизни». «Сделавшись постарше, он помогал отцу в его работах: резал, точил, строгал, постепенно постигая всю технику столярного дела. Запах дерева, казалось ему, впитался в него, и любовь к нему его никогда не оставляла» (А.Н. Изергина). Тогда зародилась в нем идея учебной мастерской игрушечно-столярного дела, которая окончательно оформилась в 1893 г.

Будучи уже немолодым человеком, он женился на местной дворянке Анастасии Михайловне Кусаковой, мать которой была из рода декабриста Н.В. Басаргина. В противоположность Д.Э. Бартраму – серьёзному и молчаливому, она была веселой и озорной. Ее брат Лев, имение которого «Береза», находившееся рядом с бартрамовским, где ребенком любил бывать Николай Бартрам, тоже оказал влияние на мальчишка. Он был талантливым художником-самоучкой, знатоком и любителем искусства.

В этой атмосфере яркой и неординарной семьи, своеобразной курской южнорусской природы и происходило становление будущего художника.

В связи с начальным этапом жизни Н.Д. Бартрама нельзя не отметить и влияния, оказанного на него выдающимся историком И.Е. Забелиным, которого он впервые увидел, посетив с отцом Исторический музей. «У Забелина он понял и полюбил труд и искусство, вложенное в народные деревянные изделия, понял их мудрую простоту, декоративность в решении форм и традиционного выполнения». «Под влиянием его огромного авторитета, он увлекся народным искусством как искусством производственным, идущим от самой жизни» (А.Н. Изергина).

Первым браком Н.Д. Бартрам был женат на своей землячке, курской помещице из семьи землевладельцев села Дурово-Бобрик, Марии Анненковой. К сожалению, история сохранила немногочисленные сведения об этой одаренной женщине. Только сейчас начинает приоткрываться некая таинственная завеса над ее судьбой. Она во всем поддерживала начинания мужа. «Мама была первой исполнительницей во всех папиных начи-

паниях», – пишет А.Н. Изергина. «Под руководством отца и по его рисункам создавала своеобразные вышивки-панно», ткала гобелены по его рисункам, узорчатые пояски, вышивала, делала аппликации. Собирала сведения по окраске растительными красителями шерсти и т.д. Становится понятным, почему в 1907г. Министерство финансов присуждает Н.Д. Бартраму на Международной художественно-декоративной выставке в Санкт-Петербурге бронзовую медаль «за высокохудожественные вышивки и осмысленно придуманные игрушки-сказки» (Хранится в собрании ХПМИ РАО).

В Курской губ. начинал молодой Н.Д. Бартрам свою собирательскую и исследовательскую работу в области народного искусства. Свою коллекцию головных уборов крестьянок Льговского уезда он преподнес в дар Курскому историко-археологическому и кустарному музею – теперь она изучается сотрудниками Курского областного краеведческого музея. Здесь, в Курске, Н.Д. Бартрам начинает участвовать в деятельности губернской Ученой архивной комиссии, изучает быт кустарей, прилагает усилия к сохранению иконописной традиции в слободе Борисовка.

В 1893 г., как уже упоминалось выше, он открыл в своем имении Семеновка Семеновскую учебную мастерскую, связав ее деятельность с крестьянским искусством и детским творчеством. Здесь обучались подростки из окрестных деревень, работали народные мастера. Столярные изделия с резьбой и росписью по эскизам Бартрама: игрушки, ларцы, мебель – экспонировались и продавались в Московском отделе Исторической выставки предметов искусства (СПб., 1903), на Курской кустарной выставке (1904). К сожалению, наследие мастерской невелико – в музейных собраниях сохранились лишь считанные единицы предметов, выполненных в Семеновке, часть из которых еще предстоит атрибуировать. Однако есть все предпосылки для того, чтобы поставить Семеновскую учебную мастерскую в один ряд с известными в России художественными центрами: Абрамцево и Талашкино. Мастерская продолжала свое существование более 20 лет и выпускала предметы мебели, игрушки, иконостасы, украшая все это резьбой по дереву.

Так, из больших работ мастерской известны иконостасы Николаевской церкви во Льгове, Успенской церкви с. Нижние Деревеньки, Воскресенской ц. с. Дурово-Бобрик, Никольской ц. с. Износково (все в Курской обл.). Выполненные в Семеновской мастерской, они являются яркими подлинными произведениями русского стиля.

В ноябре 1902 г. новым губернатором Курской губернии был назначен Николай Николаевич Гордеев. Считается, что Курску с ним повезло. Он предложил организовать временную комиссию для устройства местной историко-археологической выставки из тех предметов, которые были собраны для музейной коллекции. Вскоре появилась археологическая, церковная, архивная, этнографическая, кустарная комиссии, временная комиссия по составлению жизнеописания преподобного Серафима Саровского – чудотворца. Губернатор всячески поддерживал деятельность иконописной школы в слободе Борисовка, мастерской резных художественных изделий в деревне Семеновка Льговского уезда, а также уделял большое внимание развитию разнообразных кустарных промыслов Кур-

ской губернии. Тесные дружеские отношения связывали его с Н.Д. Бартрамом, плодом которых стало поддержание губернским руководством деятельности мастерской.

Даже после отъезда в 1903 г. Бартрама в Москву мастерская продолжала существовать. Её руководство было доверено Константину Георгиевичу Деменкову. Его фотография и ряд его изделий были найдены во Льгове в семье внука мастера. Также был составлен примерный список учеников Бартрама – сегодня он насчитывает четырнадцать имен. Кроме того, 30 июня 1904 года уже в Москве Бартрама находит «Почетный отзыв Курского губернского земства», который был присужден ему «постановлением экспертной комиссии, утвержденным распорядительным Комитетом Курской Кустарной выставки 10-17 мая 1904 г., за сработанные кустарями под его руководством художественные деревянные вещи в древнерусском стиле» (Хранится в собрании ХПМИ РАО).

В 1910 г. Н.Д. Бартрам приезжал в Семеновку последний раз – далее его жизненные пути пролегли по другим отечественным и зарубежным маршрутам.

С 1918 г. в имении Бартрамов размещается сельская школа. Может быть, потому все здесь и сохранилось почти в прежнем виде: дом со старой планировкой, изразцовыми печами, дверьми с резными вставками и старинными наборными полами с половицами в полметра шириной; надворные постройки, амбар с коваными решетками, сад, липовая аллея.

Большую работу по восстановлению этого заповедника российской культуры и установлению его статуса проводит открывшийся в 1991 г. во Льгове Краеведческий музей во главе с его директорами, сначала – Сергеем Анатольевичем Остроуховым, а затем – Мариной Георгиевной Остроуховой.

Истоки интереса Н.Д. Бартрама к искусству во многом связаны с Москвой. Они берут свое начало еще в 1889-1901 гг., когда он учился у В.Н. Бакшеева и Н.А. Мартынова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, атмосфера которого также не могла не оказать на него влияния. После его окончания он много занимался этнографией, изучал народную игрушку в историческом музее под руководством И.Е. Забелина и на материалах частных коллекций. К 1893-1903 гг. относятся его неоднократные поездки за границу – во Францию и Германию, Швейцарию, где, по словам другого российского исследователя игрушки Л.Г. Оршанского, начинаешь больше любить и понимать русское крестьянское искусство. В начале 1900 г. Н.Д. Бартрам работал над иллюстрациями ряда детских книг, рисунками для детских и юмористических журналов.

Итак, в 1903 г. Н.Д. Бартрам окончательно перебирается в Москву. С 1904 г. начинается его активное сотрудничество с Московским губернским земством, а в 1907 г. он выступает организатором Музея образцов при Кустарном музее Московского губернского земства, снискав на этом поприще уважение многих мастеров народного искусства России и художников, с которыми ему приходилось работать. В архиве ХПМИ РАО сохранился адрес, датированный 30 сентября 1917 г., подписанный почти пятьюдесятью сотрудниками музея, отметивший уход Н.Д. Бартрама от дел в Кустарном музее. Там есть такие слова: «С чувством глубокого со-

жаления узнали мы о том, что в виду пошатнувшегося здоровья Вы покидаете наши ряды. Мы не будем давать в этих прощальных строках оценки Вашей деятельности, которою лучше и полнее нас сумеет произвести летопись Кустарного Музея, но считаем своим долгом отметить, что за все время совместного с Вами служения мы всегда находили в Вашем лице доброго товарища и хорошего отзывчивого человека.

Сегодня, в день прощания с Вами, примите, дорогой Николай Дмитриевич, этот небольшой подарок на добрую о нас память и в знак того, что товарищеская связь нас с Вами не порвется и с Вашим уходом, а также и искреннее наше пожелание о скорейшем восстановлении Вашего здоровья».

Отдельной темой могло бы стать описание его отношений с попечителем Кустарного музея МГЗ, известным промышленником и меценатом Сергеем Тимофеевичем Морозовым, который, собственно, и пригласил Н.Д. Бартрама занять пост художественного руководителя музея. Однако сегодня мы оставим этот аспект за пределами сообщения, чтобы вернуться к нему в последующих исследованиях. Заметим только, что сложение этих отношений оказало как субъективный фактор большое влияние на поддержание и развитие народного искусства в его далеко не самые счастливые годы.

Через С.Т. Морозова Н.Д. Бартраму удавалось устраивать талантливых художников в Художественные мастерские МГЗ и в сам Кустарный музей, что положительно сказалось не только на их творческих судьбах, но и на судьбе российской культуры. Вспомним имена Вл. И. Соколова, И.И. Овешкова, А.Я. Чушкина, В.И. Боруцкого и т.д.

Многое сделал для возрождения традиций народного творчества. Он преподавал в Учебных мастерских кустарного дела МГЗ (1907-16), на курсах художественной игрушки при Московском техникуме кустарной промышленности (1926-31). В 1918 г. его деятельность в области искусства и музееведения была логично продолжена основанием и руководством (до 1931) Государственного музея игрушки – первоначально основанного как отдел Государственной Оружейной палаты.

Но, смеем надеяться, что не только этим, и не столько этим вошел он в историю народного искусства России. Ему выпало жить и работать в тяжелое для русского народного искусства время, когда оно расслаивалось, погибало под натиском капиталистического промышленного (фабричного) производства. С ростом фабричной промышленности спрос на кустарную игрушку все время падает. Следствием этого становилось снижение качества игрушек, которых пытались делать все больше и больше, чтобы их количеством компенсировать падение цен. «Народная кукла, – по словам В.Ф. Сахаровой, – утрачивала индивидуальность и наивную непосредственность, лишалась классических пропорций, найденных мастерами...». Под влиянием фабричной продукции в игрушке стал все больше проявляться натурализм. Мастера стараются приспособиться к спросу городского потребителя, а потому копируют иностранную игрушку, иногда доходя до парадоксов – снабжая упаковочные коробки немецкими надписями.

От многочисленных классических сергиевских и богородских игрушек остается совсем немногое. Большие и сложные композиции: стада, ковчег, лавры и т. д. – появляются крайне редко. И вот в этот исторический момент, по инициативе Московского губернского земства, стремившегося продлить существование народного творчества, начинают создаваться специальные учебно-показательные школы и мастерские. Так была открыта мастерская и в Сергиевском посаде – одном из важнейших центров игрушечной промышленности России – «русском Нюрнберге», как назвал его несколько позже один из московских журналистов. Художественную работу мастерской также возглавил Н.Д. Бартрам. Помимо организации сбыта, снабжения сырьем и предоставления заказов резчикам, токарям и лепщикам, мастерская преследовала задачу расширения и обновления существующего ассортимента игрушек. С этой целью земство привлекло на работу художников, скульпторов, опытных инструкторов, организовало специальные поездки за границу для изучения постановки игрушечной промышленности на Западе.

Обучением в мастерской, регулярными консультациями, снабжением кустарей рисунками художников и готовыми образцами мастерские должны были способствовать улучшению технического и художественного качества игрушек в том числе Сергиевского посада и Богородского и расширению существующего ассортимента. Такой ассортимент игрушек, создаваемых земством, вполне складывается к 1908 г. ко времени открытия небезызвестной выставки «Игрушки прошлого и настоящего», организатором которой выступил Н.Д. Бартрам. Ее экспозиция наглядно выявила художественные и педагогические тенденции в деятельности земства во многом определенные его коммерческими интересами. Так, в начале этого вида деятельности, в поисках внутреннего сбыта, желая отвлечь внимание буржуазии от иностранных игрушек, земство усиленно распространяет дорогие уникальные игрушки, рассчитанные на утонченный спрос буржуазного потребителя. Таковы, например, первые экземпляры матрешек, сплошь украшенные миниатюрной росписью и выжиганием, деревянные выпильные игрушки нарочито упрощенной формы в подражание народному творчеству, наборы этнографического характера и композиции на сюжеты русских сказок, выполненные по рисункам самого Н.Д. Бартрама, А.И. Бельского, Н.А. Мусатова, П.Б. Ламбина и др. Для привлечения же иностранного покупателя разрабатывается серия кукол в костюмах разных губерний России, с большим вкусом одетых кустарихами-одевальщицами Сергиевского посада в шелковые, бархатные, парчовые, льняные наряды, отделанные золотым и серебряным позументом, бисером, стеклярусом, мехом.

Позже земство вынуждено было перейти к изготовлению массового ассортимента игрушек, позволившему удешевить продукцию. Особенно много на гребне этой волны было выполнено лепных игрушек из папье-маше и мастики, скопированных с натуралистичных немецких бронзовых и фарфоровых статуэток. Столь же натуралистичными оказались и мягкие игрушки, в основе которых лежали немецкие штайфовские образцы.

Выполненные по рисункам художников деревянные токарные, резные и столярные игрушки, объединенные в комплексы и тематические набо-

ры с целью расширения их познавательного значения, и в виде уникальных изделий, и в массовом ассортименте, вполне соответствовали воспитательным установкам буржуазии на познание и приобретение точных знаний.

Натуралистические требования в прикладном искусстве этого времени, пессимистические настроения в живописи и в архитектуре, выразившиеся в идеализации русской старины, наложили, таким образом, отпечаток и на народную игрушку, создаваемую по эскизам художников.

Можно констатировать определенно, что улучшение сказалось на технике производства лепной и столярной игрушки, а также в работе одельщиц кукол. Влияние же земских мастерских на народное творчество в целом ряде случаев было неоднозначным. Пытаясь так приспособить изделия народных мастеров к вкусам и потребностям буржуазно-мещанских слоев городского населения, земство зачастую распространяло образцы, далекие от понимания народных традиций. Игрушечные мастерские становились центрами по созданию изделий в стиле модери. Большой урон отечественному народному творчеству принесли они, распространяя натуралистические немецкие и швейцарские статуэтки. Чуждые народному искусству веяния привносили даже те прогрессивно настроенные художники, которые искренне пытались возродить в игрушке народные традиции. Однако они не смогли избежать влияния упадочных течений в искусстве своего времени.

К таким добросовестно заблуждающимся профессионалам можно отнести и Н.Д. Бартрама, произведения которого – рисунки и эскизы различных изделий из дерева и игрушек: «Городок 17 в.», «Сухарева башня», «Уголок Старой Москвы», «Красные ворота», «Сторожевая башня», «Гимназистки с классной дамой», «Люди начала 19 в.», «Витязи», «Стрелец», «Всадник», «Троянский конь» и многие другие (все в ГРМ, ХПИИ РАО, ВМДПНИ) – объективно вписаны в художественную ткань своего времени.

Земские игрушки дорогие, но не соответствующие по содержанию требованиям массового городского и провинциального потребителя, не имели решающего значения на отечественном рынке. Не сумело земство создать и таких образцов игрушек, которые могли бы конкурировать с массовой продукцией игрушек заграничного рынка.

Нельзя не отметить и того явления, что лишенная руководства, стихийно развивавшаяся местная фабричная и кустарная промышленность всецело попадала под влияние иностранного капитала и чуждой народному искусству капиталистической культуры. Ассортимент игрушек, выброшенных на рынок земством, был слишком ничтожен в сравнении с огромным потреблением игрушек в России. Частные мастерские и фабрики, работавшие по немецким образцам, не могли конкурировать с дешевой и роскошью немецкой игрушки. Создавшееся положение приводит к тому, что гегемоном на русском игрушечном рынке начала 20 в. становится Германия. И все же земство и его художники, в том числе Н.Д. Бартрам, внесли свою лепту в торможение этого процесса и в консервацию некоторых традиций искусства игрушки. Уже в эти годы ярко проявилась роль Н.Д. Бартрама в сплочении и организации художествен-

ной общественности, в привлечении к воссозданию народного искусства многочисленных мастеров России. Уместно вспомнить слова самих народных мастеров о Бартраме: «Николай Дмитриевич Бартрам! Это имя вызывает во мне чувство радости. Радости от соприкосновения с искусством и художником. Радости первых лет революции, полных надежд, творческих исканий, дерзаний... Среди этих радостей Николай Дмитриевич занимал особое место». «Богородцы считали за большую честь, когда их работа попадала в витрину Музея в Леонтьевском, Много им в этом помогал Бартрам. Он растил их в спорах-беседах, советах. При виде интересной работы он весь преображался, стремился поддержать, воодушевить человека, видя неплохое начало, умел подсказать нужное, и от этого вещь приобретала хороший вид».

Однако гуманистическая миссия художника и гражданина была наиболее полно выявлена Н.Д. Бартрамом в последний (послереволюционный) период его творчества. Оказавшись в центре революционного потока, он стал не только видным деятелем культуры – основателем и председателем Союза работников декоративного искусства и художественной промышленности (1916-20), заведующим Комиссии декоративного искусства Коллегии Главмузея Наркомпроса, действительным членом Государственной академии художественных наук, но и музейным строителем: сотрудником Комиссии по охране памятников искусства и старины Наркомпроса, – создателем ряда московских музеев: Бытового музея сороковых годов, музея мебели и, конечно же, Государственного музея игрушки. Последний создавался особенно трудно. Об этом можно узнать со слов очевидцев, прежде всего, дочери художника – А.Н. Изергиной. Однако ему удалось объединить вокруг идеи музея многих ярких личностей того времени. Это, в первую очередь, И.И. Овешков, А.Я. Чускин, а также И.С. и Н.Я. Ефимовы, В.С. Мухина, В.А. Ватагин, Н.А. Леман, М.Д. Езучевский, М.Я. Артюхова, Д.В. Горлов, Н.П. Лавров, С.В. Образцов, Е.Г. Теляковский и многие другие. Идее музея, которую ему удалось выявить может быть наиболее полно, чем что-нибудь другое, Н.Д. Бартрам оставался предан до конца своей жизни, которая оборвалась 16 июля 1931 г. «Он создал уникальный по своему характеру Музей игрушки». «Собственно говоря, Музей был материализованным выражением многогранной одаренности Николая Дмитриевича». «Музей – живой организм, в котором кипела творческая жизнь; туда тянулись и стар и мал в поисках прекрасного». (Д.В. Горлов).

И вот со дня основания музея минуло 85 лет. Можно сказать, что это еще не юбилей, но его преддверие. Думается, что детище Бартрама доказало свою жизнеспособность и необходимость людям, если сюда приезжают со всех концов России и из-за рубежа, чтобы прикоснуться к культурным традициям разных эпох. А подарил это людям человек, имя которого в переводе со старшотландского означает «черный ворон».

В заключение хочется отметить, что не совсем юбилейные даты музея игрушки и его основателя почти совпали с торжествами Российской академии образования, которая в трудные для музея годы сумела поддержать и сохранить детище Бартрама, спасти его от полного забвения и при первой же возможности – возродить, влив в него новую энергию. Надежды

музея и дальше связаны с Академией, под началом которой он сможет реализовывать самые смелые планы дальнейшего развития детища Бартрама. И в этом роль Академии непреходяща, равно как и роль Бартрама в истории культуры России первой трети 20 столетия.